

Научная статья
УДК 613.87
doi: 10.17223/2312461X/44/7

Эмпатия: динамика поведения на фоне глобального стресса пандемии COVID-19 в России

Валентина Николаевна Буркова¹,
Марина Львовна Бутовская²,
Алексей Михайлович Ермаков³,
Азат Булатович Галимханов⁴,
Алексей Валерьевич Емельянов⁵,
Раушания Ильшатовна Зинурова⁶,
Ольга Вячеславовна Калиниченко⁷,
Наталья Викторовна Рымаренко⁸,
Николай Юрьевич Симаков⁹,
Виктория Ивановна Сподина¹⁰

^{1, 2} Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

³ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

⁴ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

⁵ Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

⁶ Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Казань, Россия

⁷ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

⁸ Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

⁹ Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Россия

¹⁰ Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок ХМАО–Югры,
Ханты-Мансийск, Россия

¹ burkovav@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – анализ динамики эмпатического поведения, измеряемого с помощью Межличностного индекса реактивности, в России во время трех волн пандемии COVID-19; исследование взаимосвязей между эмпатией, тревожностью и агрессией во время пандемии. Исследование поведения человека во время пандемии способствует пониманию лучших путей адаптации в ситуации глобального стресса. Эмпатия может вызывать как позитивные (развитие взаимопомощи и кооперации во время COVID-19), так и негативные последствия (фактор риска развития депрессии и повышения тревоги) для психического здоровья. В работе изучалась динамика эмпатии во время трех волн пандемии в России, а также связь между эмпатией, тревожностью и агрессией. Наличие и характер взаимосвязей проверялись через многомерный ковариационный анализ и регрессионный анализ. Общая выборка составила 7 174 чел. и была собрана

среди студентов из нескольких регионов России. Использовались русскоязычные версии опросников: на эмпатию – Межличностный индекс Реактивности, на агрессивное поведение – Басса–Перри, на тревожность – Генерализованное тревожное расстройство (ГТР-7). На большой выборке из разных регионов России во время трех волн пандемии новой коронавирусной инфекции показана динамика эмпатического поведения: минимальный уровень эмпатии наблюдался во время первой волны, далее достиг своего максимума ко второй волне и начал снижаться к третьей. Также были обнаружены значимые позитивные взаимосвязи всех шкал эмпатии с тревожностью – более эмпатичные люди имели более высокие самооценки по стрессу. С агрессией ассоциации имеют более сложный характер в зависимости от шкалы эмпатии и шкалы агрессии. С началом пандемии наблюдалось увеличение эмпатии с последующим снижением. Существует взаимосвязь между шкалами эмпатии, уровнем тревожности и шкалами агрессии.

Ключевые слова: COVID-19, эмпатия, тревожность, стресс, пандемия

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение 075-15-2022-328).

Для цитирования: Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М., Галимханов А.Б., Емельянов А.В., Зинурова Р.И., Калининченко О.В., Рымаренко Н.В., Симак Н.Ю., Сподина В.И. Эмпатия: динамика поведения на фоне глобального стресса пандемии COVID-19 в России // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 144–163. doi: 10.17223/2312461X/44/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/44/7

Empathy: Behavioral Dynamics During the Global Stress of the COVID-19 Pandemic in Russia

Valentina N. Burkova¹, Marina L. Butovskaya², Alexey M. Ermakov³,
Azat B. Galimkhanov⁴, Alexey V. Emelyanov⁵,
Raushaniia I. Zinurova⁶, Olga V. Kalinichenko⁷,
Natalya V. Rymarenko⁸, Nikolay Yu. Simakov⁹,
Victoriya I. Spodina¹⁰

^{1,2} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

² *National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation*

³ *Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation*

⁴ *Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation*

⁵ *Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation*

⁶ *Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation*

⁷ *Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation*

⁸ *V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation*

⁹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation*

¹⁰ *Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation*

¹ burkovav@gmail.com

Abstract. Objective of the study: analysis of the dynamics of empathic behavior, measured using the Interpersonal Reactivity Index, in Russia during three waves of the

COVID-19 pandemic. Analysis of the relationships between empathy, anxiety and aggression during the pandemic. Research of human behavior during a pandemic contributes to understanding the best ways to adapt to global stress. Empathy can have both positive (development of mutual assistance and cooperation during COVID-19) and negative consequences (risk factor for depression and increased anxiety) for mental health. The study examined the dynamics of empathy during three waves of the pandemic in Russia, as well as the relationship between empathy, anxiety and aggression. The presence and nature of relationships were tested through multivariate analysis of covariance and regression analysis. The total sample was 7,174 people and was collected among students from several regions of Russia. Russian-language versions of questionnaires for empathy by Interpersonal Reactivity Index, for aggressive behavior by Buss-Perry, and for anxiety Generalized Anxiety Disorder (GAD-7). A large sample from different regions of Russia during three waves of the COVID -19 pandemic shows the dynamics of empathic behavior: the minimum level of empathy was observed during the first wave, then reached its maximum by the second phase, and began to decline by the third. Significant positive correlations of all empathy scales with anxiety were also found - more empathic people had higher self-ratings of stress. Associations with aggression are more complex depending on the empathy scale and the aggression scale. Since the beginning of the pandemic, there has been an increase in empathy followed by a decrease. There is a relationship between empathy scales, anxiety levels and aggression scales.

Keywords: COVID-19, empathy, anxiety, stress, pandemic

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

For citation: Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., Ermakov, A.M., Galimkhanov, A.B., Emelyanov, A.V., Zinurova, R.I., Kalinichenko, O.V., Rymarenko, N.V., Simakov, N.Yu. & Spodina, V.I. (2024) Empathy: Behavioral Dynamics During the Global Stress of the COVID-19 Pandemic in Russia. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 144–163 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/7

Введение

Пандемия COVID-19 стала самым большим глобальным испытанием для человечества за последние десятилетия. Этот длинный период нестабильности и неопределенности изменил и продолжает изменять жизнь людей во всех странах. В определенной мере население Земли адаптировалось к изменившимся условиям среды и научилось жить в новых реалиях, однако социальные, психологические, экономические, политические последствия пандемии COVID-19 еще долго будут влиять на поведение людей.

Одной из глобальных угроз человечества во время пандемии помимо самой болезни является значительное повышение тревожности и стресса, что исследовано и продолжает исследоваться в разных обществах и социальных группах (Kowal et al. 2020; Burkova et al. 2021, 2022;

Micillo et al. 2022; Moret-Tatay, Murphy 2022). Важным направлением работ является изучение эмпатии и проявлений альтруизма на фоне глобального стресса и того, насколько сочувствие и сопереживание могут помочь или, напротив, усугубить глобальный стресс на фоне COVID-19 (Butovskaya et al. 2021). Однако работ, изучающих уровень эмпатии в кризисных ситуациях, в целом не так много и в основном они касаются общеполитических дискуссий о глобальном цивилизационном кризисе (см., например: (Rifkin 2009; Yim, Park 2021)), а в условиях COVID-19 исследований по эмпатии и взаимопомощи довольно мало, и в основном они касаются групп, задействованных в лечении людей или их психологической поддержке (медицинские работники, социальные службы) (Феденок, Буркова 2020; Barello, Graffigna 2020; Butovskaya et al. 2021; Cerami et al. 2020; Pfattheicher et al. 2020; Baiano et al. 2022).

Эмпатия как способность воображать, переживать и понимать, что чувствует другой человек, является ключевым компонентом социальных взаимодействий, поскольку она способствует просоциальному поведению и препятствует агрессивному поведению по отношению к другим. Прошлые исследования показали позитивное влияние как когнитивной (принятие точки зрения других), так и аффективной (забота и понимание других) эмпатии на благополучие других людей. Так, когнитивная эмпатия была связана с уменьшением межгрупповых конфликтов и предрассудков, а аффективная способствовала альтруизму и заботе (Sassenrath et al., 2016; Pfattheicher et al., 2020). В одном исследовании, проведенном в Германии, Великобритании и США во время пандемии было обнаружено, что эмпатия положительно связана с мотивацией соблюдать физическое дистанцирование, использовать маски, и что стимулирование сочувствия к людям, наиболее уязвимым к вирусу, способствует мотивации придерживаться этих мер (в то время как простое предоставление информации о важности профилактических мер не дает такого эффекта) (Pfattheicher et al., 2020).

Наши данные по московским студентам показали, что мужчины и женщины по-разному реагировали на стресс: у мужчин уровень эмпатии стабильно увеличивался от первой к третьей волне, тогда как у женщин пик оценок приходился на вторую волну, а далее снижался (Буркова, Бутовская, Симаков 2022). Кроме того, наблюдались кросс-культурные различия в проявлении разных видов эмпатии (Butovskaya et al. 2021). Есть данные и о том, что некоторые люди испытывают чувство «вынужденной симпатии», которое может заставить людей дистанцироваться от других, усиливая социальные фобии (Saladino, Alderi, Auriemma 2020). Исследования, проведенные до и во время пандемии, показали, что эмпатия также порождает уязвимость к симптомам, связанным со стрессом, таким как усталость от сострадания и выгорание, особенно у медицинских работников в экстремальных условиях (см. например: (Barello,

Graffigna 2020)). Известно, что дефицит эмпатии наблюдается при некоторых психопатологиях (Schreiter, Pijnenborg, Aan Het Rot 2013). Таким образом, аффективный компонент эмпатии может вызывать не только позитивные, но и негативные последствия, а также быть фактором риска развития депрессии и повышения тревоги в экстремальных условиях, включая COVID-19. Имеющиеся в настоящее время данные свидетельствуют о том, что распространение информации о чужих случаях заражения или смертях и большое количество фейков, несущих негативные чувства по поводу COVID-19, могут вызвать сверхэмпатическую реакцию и усугублять панику и депрессию среди населения (Deroux et al. 2020; Буркова, Бутовская 2023).

Цель данного исследования – проследить динамику эмпатического поведения, измеряемого с помощью многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса (Межличностный индекс реактивности) (Davis 1980), в России во время трех волн пандемии COVID-19, а также проследить взаимосвязи между эмпатией, уровнем тревожности и агрессией во время пандемии.

Методы

Схема проведения исследования. Для проведения опросов во время ограничений и карантина была использована специально созданная Google Форма с открытыми, полуоткрытыми и закрытыми типами вопросов, размещенная в сети Интернет. Участники исследования перед началом опроса давали письменное добровольное согласие. Все респонденты заполняли демографический опросник (пол, возраст, этничность и др.), а также отвечали на ряд вопросов относительно условий проживания в период распространения новой коронавирусной инфекции. Протокол исследования утвержден Ученым советом Института этнологии и антропологии РАН (протокол № 01 от 9 апреля 2020 г.).

Выборка исследования. Общая выборка составила 7 174 чел. (табл. 1) и была собрана среди студентов различных вузов из нескольких регионов России. В выборку не вошли респонденты младше 18 лет, а также лица, имеющие хронические депрессивные заболевания (на основании самооценок участников). Несмотря на то, что выборка имела количественный перекося в сторону женщин, полученные данные репрезентативны.

Опросы проведены в течение трех волн пандемии COVID-19: 1-я волна – основной массив данных собран в мае 2020 г. (медиана – 5 мая 2020 г.); 2-я волна – в декабре 2020 г. (медиана – 7 декабря 2020 г.); 3-я волна – в мае–июне 2021 г. (медиана – 28 мая 2021 г.). Периоды сбора материала в целом соответствуют датировкам волн, указанным Роспотребнадзором (рис. 1).

Таблица 1

Выборка исследования

Волна COVID-19	Кол-во респондентов	ПОЛ		Средний возраст ($\pm$ SD), лет
		мужской	женский	
Первая	1 904	486	1 418	20,99 ($\pm$ 4,72)
Вторая	1 606	681	925	20,14 ($\pm$ 3,96)
Третья	3 664	971	2 693	23,44 ($\pm$ 8,57)
Итого	7 174	2138	5 036	21,89 ($\pm$4,69)

Рис. 1. Динамика волн заболеваемости COVID-19 по России по данным открытого портала Yandex DataLens, основанных на официальной статистике Роспотребнадзора¹

Методы исследования. Для оценки уровня эмпатии использовался многофакторный опросник эмпатии М. Дэвиса (Межличностный индекс реактивности) (Davis 1980) в русскоязычной адаптации (Будаговская, Дубровская, Карягина 2013). Данный опросник основан на самооценке респондентами своего поведения и состоит из 28 пунктов, разбитых по четырем шкалам, отражающим разные аспекты эмпатии: 1) Шкала Децентрация (Perspective-Taking) оценивает тенденцию восприятия, понимания, учета, принятия в расчет точки зрения, опыта другого человека; 2) Шкала Фантазия (Fantasy) отражает тенденцию к воображаемому перенесению себя в чувства и действия вымышленных героев книг, фильмов, спектаклей и т.д.; 3) Шкала Эмпатическая забота (Empathic Concern) оценивает чувства, направленные на другого (симпатии и сочувствия к несчастьям других, жалости, желания помочь); 4) Шкала Личный дистресс (Personal Distress) измеряет чувства собственной тревоги и дискомфорта, возникающие в напряженном межличностном взаимодействии, при наблюдении переживаний других людей и направленные на себя (Будаговская и др. 2013). В нашем исследовании

¹ Портал Yandex DataLens предоставляет в открытом доступе данные по заболеваемости COVID-19 в России на странице, основанные на официальной статистике Роспотребнадзора: https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=X1&utm_source=cbmain&state=4d4ea3bc211

мы не использовали Шкалу Фантазии, так как в условиях пандемии COVID-19 данный вид эмпатии малоприменим. Суммарная оценка уровня эмпатии не подсчитывается. Коэффициенты надежности альфа Кронбаха были: децентрация (0,71), эмпатическая забота (0,58), личный дистресс (0,64).

Для самооценки уровня тревожности использована русскоязычная версия опросника Генерализованного тревожного расстройства (ГТР-7) (Spitzer et al. 2006), состоящая из семи пунктов, описывающих симптомы тревожности и генерализованного тревожного расстройства (ГТР) на основе личных ощущений респондента в течение последних 14 дней. Оценка тревоги происходит по 4-балльной шкале Ликерта (от 0 (совсем не) до 3 (почти каждый день)). Сумма баллов по всем пунктам дает представление об уровне тревожности: 0–4 (минимальный), 5–9 (умеренный), 10–14 (средний), 15–21 (высокий). Коэффициент надежности альфа Кронбаха для ГТР-7 был 0,91.

Для самооценки агрессивного поведения был применен опросник Басса–Перри (Buss, Perry 1992), включающий четыре шкалы: физическая агрессия, вербальная агрессия, гнев, враждебность. Оценка производится по 5-балльной шкале Ликерта (1 – абсолютно нехарактерно для меня; 5 – абсолютно характерно для меня). Коэффициенты надежности альфа Кронбаха были: физическая агрессия (0,78), вербальная агрессия (0,75), гнев (0,81) и враждебность (0,83).

Полученные данные проанализированы с использованием статистического пакета SPSS-27.

Результаты

Статистический анализ (многомерный ковариационный анализ GLM MANCOVA) со шкалами эмпатии в качестве зависимых переменных и набором независимых переменных (волна COVID-19, пол, ГТР-7, шкалы агрессии) показал более значимый эффект волны пандемии, чем пола (табл. 2).

Таблица 2

Взаимодействие шкал эмпатии в качестве зависимых переменных и периода исследования, пола, тревожности и шкал агрессии в качестве независимых переменных

Зависимые переменные	R ² *	Независимые переменные	Степень свободы	F-критерий	Значимость	Частная Eta ² **
Децентрация	0,260	Волна	2	323,227	< 0,001	,090
		Пол	1	3,844	0,050	,001
		ГТР-7	21	1,809	0,013	,006
		Физ. агрессия	37	5,252	< 0,001	,029
		Верб. агрессия	20	5,209	< 0,001	,016
		Гнев	28	17,931	< 0,001	,071
		Враждебность	32	7,742	< 0,001	,036

Зависимые переменные	R ² *	Независимые переменные	Степень свободы	F-критерий	Значимость	Частная Eta ² **
Эмпатическая забота	0,170	Полна	2	112,824	< 0,001	,033
		Пол	1	22,957	< 0,001	,003
		ГТР-7	21	1,327	не значимо	,004
		Физ. агрессия	37	6,660	< 0,001	,036
		Верб. агрессия	20	4,651	< 0,001	,014
		Гнев	28	7,710	< 0,001	,032
		Враждебность	32	3,979	< 0,001	,019
Личный дистресс	0,390	Волна	2	787,070	< 0,001	,194
		Пол	1	117,215	< 0,001	,018
		ГТР-7	21	10,177	< 0,001	,032
		Физ. агрессия	37	3,593	< 0,001	,020
		Верб. агрессия	20	2,489	< 0,001	,008
		Гнев	28	2,910	< 0,001	,012
		Враждебность	32	22,574	< 0,001	,099

* R² (коэффициент детерминации) объясняет процент изменчивости по каждому из тестируемых признаков.

** Частная эта в квадрате показывает, какая доля общей дисперсии зависимой переменной обусловлена данным фактором.

Шкала Тревожность ГТР-7 являлась наименее значимым из факторов, тогда как среди шкал агрессии наибольшие нагрузки имели гнев и враждебность для шкалы Децентрация, гнев и физическая агрессия – для Эмпатической заботы, Враждебность – для Личного дистресса (см. табл. 2).

На рис. 2–4 представлена динамика каждой шкалы эмпатии в течение трех волн новой коронавирусной инфекции в России в зависимости от пола. Уровень децентрации (оценивает тенденцию восприятия, понимания, учета, принятия в расчет точки зрения, опыта другого человека) повысился ко второй волне и далее снизился к третьей (однако не достиг исходного уровня) как у мужчин, так и у женщин; половые различия значимо проявились только во второй волне пандемии COVID-19 – женщины имели более высокие оценки по этому виду эмпатии (рис. 2). Уровень эмпатической заботы (оценивает чувства, направленные на другого) также повысился ко второй волне и снизился к третьей, не достигнув уровня первой волны, однако во всех трех периодах женщины были значимо более эмпатичны, чем мужчины (рис. 3). Еще более выраженная тенденция наблюдалась по шкале Личный дистресс (измеряет чувства собственной тревоги и дискомфорта, возникающие в напряженном межличностном взаимодействии, при наблюдении переживаний других людей) – пик эмпатии также пришелся на вторую волну, женщины демонстрировали более высокие оценки (рис. 4). Таким образом, по всем трем шкалам эмпатии наивысшие оценки приходились на второй пик волн пандемии, минимальные оценки наблюдались в начале пандемии.

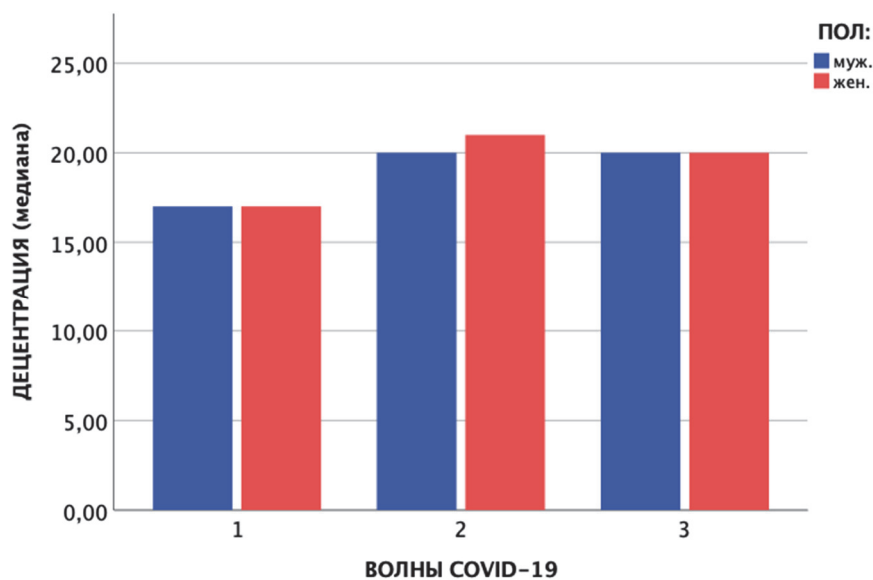

Рис. 2. Динамика шкалы Децентрация в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

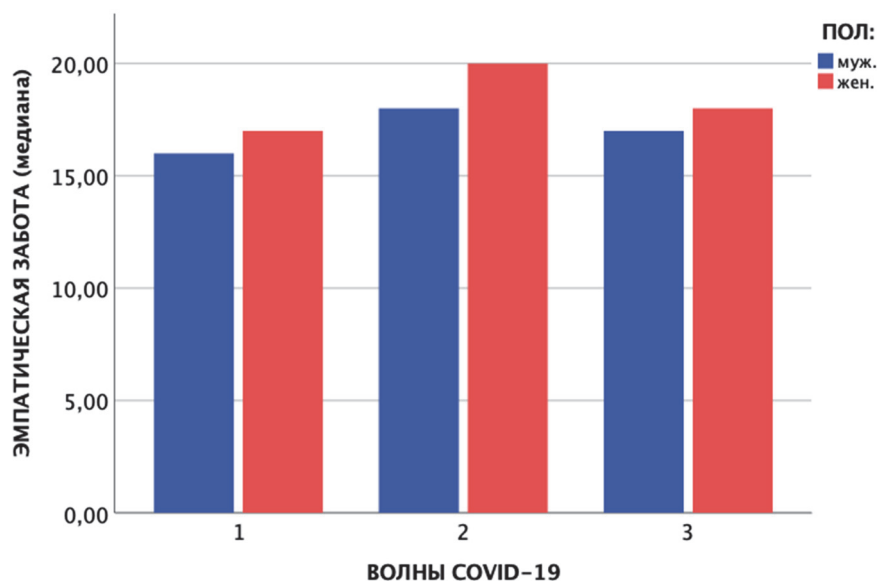

Рис. 3. Динамика шкалы Эмпатическая забота в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

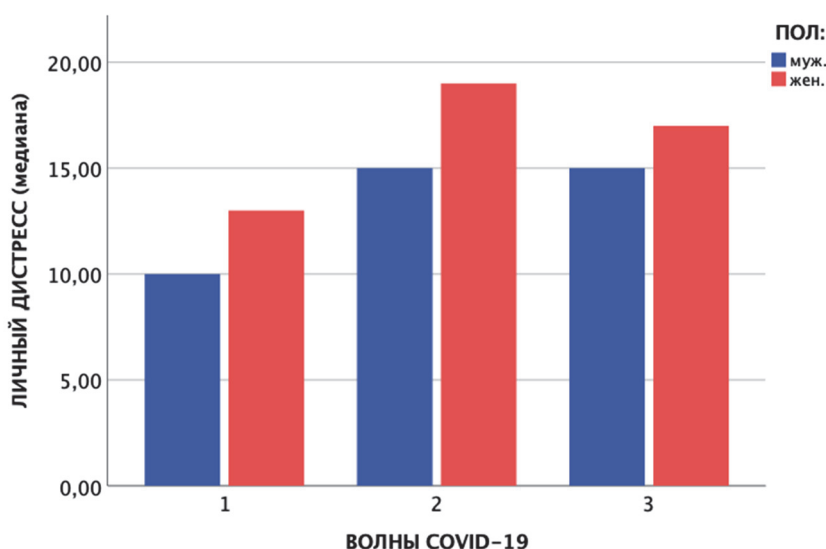

Рис. 4. Динамика шкалы Личный дистресс в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

Для оценки взаимосвязи между шкалами эмпатии и самооценками тревожности и агрессии был применен регрессионный анализ (табл. 3, рис. 5–7). Респонденты, имеющие более высокие самооценки по всем видам эмпатии, имели и более высокие самооценки по уровню тревожности. Наиболее выраженная взаимосвязь наблюдалась со шкалой Личный дистресс (рис. 7), так как данная шкала эмпатии является выражением личной тревожности при наблюдении за другими людьми и их неприятностями и проектирующей на индивида лично, тем самым отражая негативную сторону эмпатии.

Таблица 3

Взаимосвязи шкал эмпатии (зависимая переменная) и тревожности и агрессии (предикторы) в течение трех волн COVID-19 (общая выборка)

Предиктор	B	SE	Beta	t	P	R ²
<i>Децентрация</i>						
ГТР-7	0,082	0,013	0,073	6,196	<0,000	0,073
Физическая агрессия	-0,064	0,012	-0,067	05,462	<0,000	0,067
Вербальная агрессия	0,163	0,015	0,129	10,633	<0,000	0,129
Гнев	-0,078	0,012	-0,079	-6,449	<0,000	0,079
Враждебность	0,128	0,010	0,160	13,278	<0,000	0,160
<i>Эмпатическая забота</i>						
ГТР-7	0,100	0,011	0,108	9,199	<0,000	0,108
Физическая агрессия	-0,063	0,010	-0,079	-6,498	<0,000	0,079
Вербальная агрессия	0,144	0,013	0,136	11,256	<0,000	0,136
Гнев	0,001	0,010	0,001	0,090	Не значимо	0,001
Враждебность	0,106	0,008	0,159	13,204	<0,000	0,159

Предиктор	B	SE	Beta	t	P	R ²
<i>Личный дистресс</i>						
ГТР-7	0,373	0,012	0,342	30,843	<0,000	0,117
Физическая агрессия	0,044	0,012	0,046	3,801	<0,000	0,046
Вербальная агрессия	0,237	0,015	0,190	15,858	<0,000	0,190
Гнев	0,232	0,012	0,238	20,093	<0,000	0,238
Враждебность	0,306	0,009	0,388	34,491	<0,000	0,388

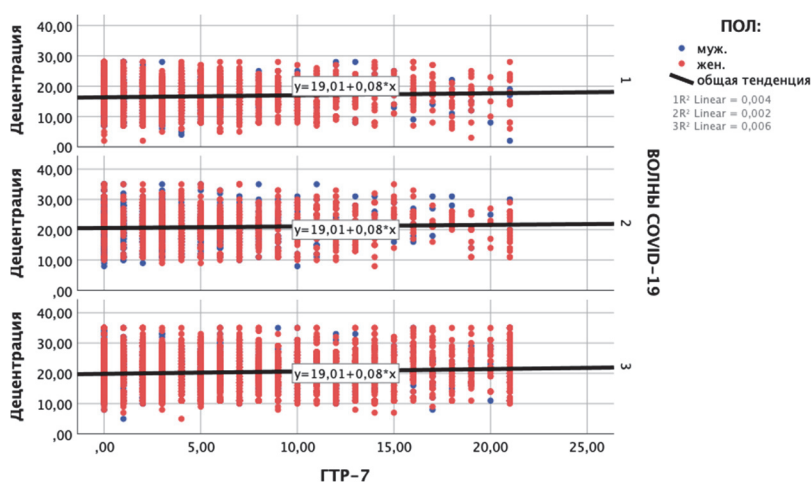

Рис. 5. Взаимосвязь Децентрации и тревожности ГТР-7 в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

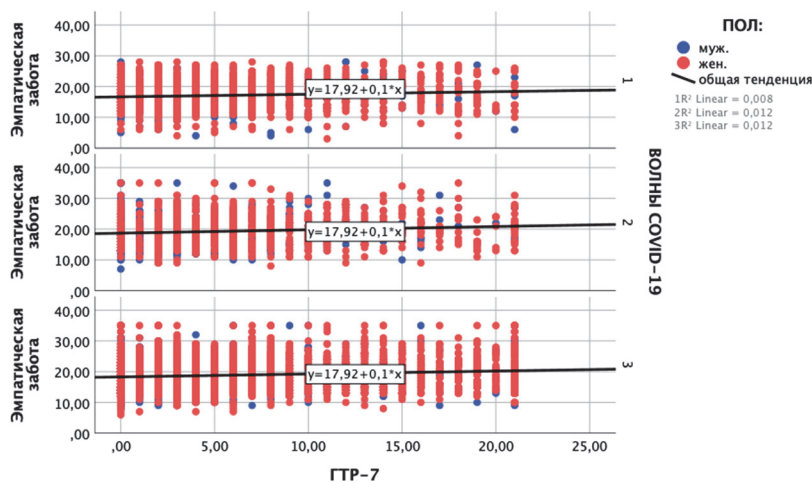

Рис. 6. Взаимосвязь Эмпатической заботы и тревожности ГТР-7 в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

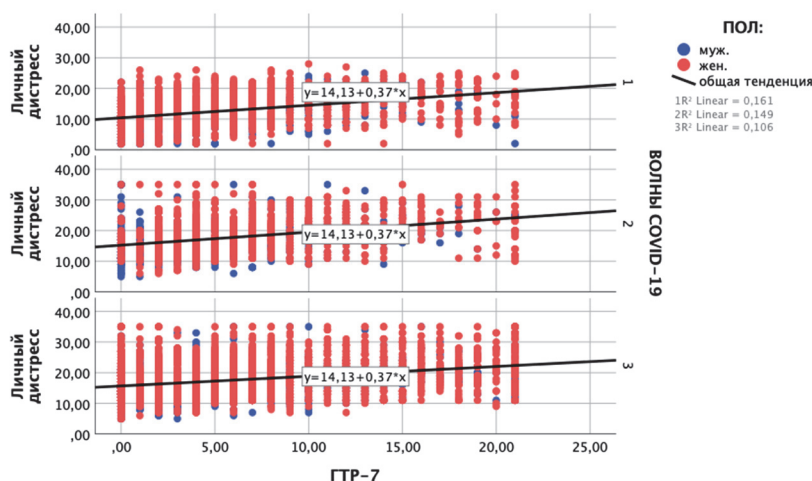

Рис. 7. Взаимосвязь Личного дистресса и тревожности ГТР-7 в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

Взаимосвязь шкал эмпатии и шкал агрессии имела более сложный характер: наблюдается негативная взаимосвязь между физической агрессией и двумя шкалами рациональной (Децентрация) и эмоциональной (Эмпатической заботой) эмпатии. С одной стороны, индивиды, оценивающие себя физически более агрессивными, менее эмпатичны, с другой – у таких респондентов были высокие оценки по личному дистрессу (тревожной эмпатии) (см. табл. 3). Оценки по вербальной агрессии во всех трех случаях имели позитивную ассоциацию с эмпатией – люди, чаще практикующие такие виды агрессии, как крики, ругательства, словесные перепалки, были и более эмпатичны. Самооценки по гневу имели негативную значимую взаимосвязь с децентрацией и очень сильную позитивную взаимосвязь с личным дистрессом (табл. 3). Таким образом, более гневливые люди хуже распознают и понимают точку зрения, опыт другого человека (хуже распознают чувства и переживания других), при этом сильнее тревожатся за свое благополучие, глядя на страдания других людей. Враждебность имела самые большие нагрузки по связи со всеми видами эмпатии – индивиды, оценивающие себя как более враждебные, при этом являлись и более эмпатичными, в том числе и были больше стрессированы от наблюдений за переживаниями других (табл. 3).

Обсуждение результатов

В данном исследовании мы проследили динамику эмпатического оведения в России во время трех волн пандемии COVID-19, а также проанализировали направление взаимосвязей между эмпатией, тревожностью и агрессией. Так же, как в более ранних работах, женщины в целом

были более эмпатичны по сравнению с мужчинами до и во время пандемии новой коронавирусной инфекции (Davis 1980; Будаговская и др. 2013; Di Tella et al. 2020; Butovskaya et al. 2021). По всем исследуемым видам эмпатии пик оценок приходился на вторую волну пандемии COVID-19 в России, минимальные оценки были выявлены во время первой волны, к третьей фазе уровень эмпатии снижался, однако не достиг своих исходных оценок. Интересно отметить, что допандемийные данные по эмпатии, полученные в работе Н.А. Будаговской с соавторами (2013), показывают более низкие цифры. Таким образом, можно предположить, что на фоне пандемии уровень эмпатии повысился. Лонгитудных исследований эмпатии во время разных фаз COVID-19 практически нет или они не сравнимы по временным срезам с нашими.

В одной из работ оценивалась группа молодых людей до и через несколько месяцев после строгой социальной изоляции первой волны пандемии COVID-19 в Испании. Результаты показали усиление когнитивной эмпатии (децентрации), но не аффективной (эмпатической заботы) (Baiano et al. 2020). В работе, проведенной в Италии среди студентов с разницей в один год (в период с октября 2019 г. по первые дни февраля 2020 г. и в период с декабря 2020 г. по февраль 2021 г.), было показано снижение уровня эмпатических социальных навыков (активное слушание, очередность, способность делиться и сотрудничать) и увеличение уровня эмоциональной и когнитивной эмпатии через год после вспышки пандемии COVID-19 по сравнению с допандемийными данными (Baiano et al. 2022). Авторы работы предполагают, что оба эти компонента эмпатии связаны с многочисленными аспектами осознанности, которая является защитным фактором от беспокойства и тревоги во время вспышки COVID-19 (Baiano et al. 2022). Наши данные согласуются с этими результатами по когнитивной и эмоциональной эмпатии. Полученные в другом нашем исследовании данные об участии респондентов в волонтерской деятельности (которая, несомненно, связана с эмпатическими установками) также показали, что пик сочувствия и помощи людям пришелся на вторую волну пандемии COVID-19 в России (Буркова и др. 2022).

Взаимосвязь уровня тревожности со шкалами эмпатии была прямолинейна и позитивна. Более эмпатичные респонденты были и более тревожны, наиболее выраженная взаимосвязь наблюдалась со шкалой Личный дистресс, отражающей негативную сторону эмпатии. Данная ассоциация вполне объяснима с точки зрения теории об эмоциональном заражении: наблюдение за эмоциями других вызывает аналогичные состояния и чувства у смотрящих (Healey, Grossman, 2018; Preston, de Waal 2001). С нашими данными согласуются и полученные результаты по канадской выборке – более высокие показатели по шкалам эмпатии Дэвиса

также были связаны с более высокими показателями депрессии и тревоги во время первого карантина (Guadagni, Umilta', Iaria 2020). Схожие данные получены на китайской выборке – те, кто сообщил о получении большей социальной поддержки и сочувствия в социальных сетях, сами проявляли больше сочувствия к другим, несмотря на повышенный уровень тревоги (Qin et al. 2022). По-видимому, люди, которые сильнее тревожатся и переживают в кризисной ситуации, больше заботятся и о благополучии других и сочувствуют им. Повышение тревожности и приобретаемый за счет этого эмоциональный ущерб частично компенсируются за счет увеличения эмпатии по отношению к другим. Психологическое состояние тех, кто сочувствует, может улучшаться, поскольку они осознают положительное влияние своей доброты на других. Однако осознание угрозы, в том числе личный опыт заболевания и наблюдения за опытом других людей, включая смертельные случаи, приводят к повышению тревожности. Данная взаимосвязь подтверждается нашими данными о сильной позитивной связи тревожности и личного дистресса как формы негативной эмпатии.

Взаимодействие шкал эмпатии с агрессивными шкалами имело сложный характер и зависело от видов поведения. Схожие результаты были получены в исследовании хорватских студентов – связи между типами эмпатии зависели от вида агрессии: реактивная (ответная) агрессия была положительно связана с личным дистрессом, тогда как проактивная (инициативная) была отрицательно связана с эмпатической заботой (Sokić, Qureshi, Khawaja 2021). В исследовании семейного насилия на фоне пандемии COVID-19 было показано, что эмпатическая забота в ассоциации с тревожностью была одним из самых сильных предвестников вербальной агрессии по отношению к детям (Todorovic et al. 2022). Наши результаты показывают, что только в случае физической агрессии наблюдалась отрицательная взаимосвязь с децентрацией и эмпатической заботой, а также гнева с децентрацией. В остальных случаях связи были позитивные. Высокий уровень эмпатии мог снижать прямую физическую или эмоциональную агрессию (такую как гнев), но при этом не влиять на другие виды агрессии, поскольку данная взаимосвязь была также опосредована уровнем тревожности. В одном из наших исследований динамики агрессии на фоне пандемии COVID-19 среди российских студентов мы наблюдали снижение уровня самооценок по агрессии от волн к волне, при этом более агрессивные респонденты имели и более высокие оценки по тревожности (Буркова, Бутовская, Зинурова 2021).

Полученные результаты можно использовать при разработке профилактических мер, так как эмпатия и эмоциональное заражение делают всех участников здравоохранения более ответственными. При этом осведомленность общественности о вкладе каждого в борьбу с пандемией может сыграть решающую роль в эффективном преодолении стрессовых

последствий (Barello, Graffigna 2020). В одном из исследований, проведенном с 18 марта по 23 мая 2020 г., было показано, что в этот период уровень эмпатии во взаимодействии с воспринимаемой угрозой способствовали повышению превентивного поведения (Morstead et al. 2022). Будущие исследования должны выяснить, продолжает ли эмпатическое реагирование играть роль в профилактическом поведении на более поздних стадиях пандемии. Кроме того, необходимо исследовать влияние эмпатического, агрессивного и тревожного поведения в их взаимодействии.

Заключение

Эмпатия является одним из ключевых компонентов взаимодействия людей, который поддерживает просоциальное и кооперативное поведение, с одной стороны, и снижает агрессивные столкновения по отношению к иным – с другой. Изучение роли эмпатии в прогнозировании профилактического поведения во время стрессовых ситуаций побуждает исследователей все больше обращать внимание на этот вид просоциальных действий. Однако в условиях глобального стресса эмпатия может усиливать тревожность и даже агрессию, что имеет негативные последствия для психического здоровья человека. Результаты нашего исследования на большой выборке из разных регионов России во время трех волн пандемии новой коронавирусной инфекции показали динамику эмпатического поведения: минимальный уровень эмпатии наблюдался во время первой волны, далее достиг своего максимума ко второй волне и начал снижаться к третьей. Также были обнаружены значимые позитивные взаимосвязи всех шкал эмпатии с тревожностью – более эмпатичные люди имели и более высокие самооценки по стрессу. С агрессией ассоциации имеют более сложный характер в зависимости от шкалы эмпатии и шкалы агрессии.

Полученные результаты могут иметь прикладное значение при планировании профилактических мер. Пандемия COVID-19 продолжается, а следовательно, любые исследования в данной области могут способствовать борьбе с ней. В дальнейшем планируется продолжить сбор данных в новую волну пандемии, а также проанализировать региональные различия полученных данных.

Список источников

- Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 1. С. 202–227.
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Коронафобия, инфодемия и фейки во время COVID-19 // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 55–75. doi: 10.17223/2312461X/40/3

- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Симаков Н.Ю. Эмпатия и взаимопомощь до и во время COVID-19 (данные по московским студентам) // Вопросы психологии. 2022. Т. 68, № 1. С. 28–40.
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Зинурова Р.И. Агрессия и тревожность до и во время COVID-19 (на основе опроса московских и казанских студентов) // Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 6. С. 65–77.
- Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 6–40. doi: 10.17223/2312461X/28/1
- Barello S., Graffigna G. Caring for health professionals in the COVID-19 pandemic emergency: toward an “epidemic of empathy” in healthcare // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11, № 1431.
- Baiano C., Zappullo I., The LabNPEE Group, Conson M. Tendency to Worry and Fear of Mental Health during Italy's COVID-19 Lockdown // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2020. Vol. 17, № 5928.
- Baiano C., Raimo G., Zappullo I., Marra M., Cecere R., Trojano L., Conson, M. Empathy through the pandemic: changes of different emphatic dimensions during the COVID-19 outbreak // *International journal of environmental research and public health*. 2022. Vol. 19 (4), № 2435.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K. et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, № 4017. doi: 10.3390/su13074017
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K. et al. Factors associated with highest symptoms of anxiety during COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries // *Frontier in Psychology*. 2023. Vol. 13, № 805586. doi: 10.3389/fpsyg.2022.8055
- Buss A.H., Perry M. The Aggression Questionnaire // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 63. P. 452–459.
- Butovskaya M.L., Burkova V.N., Randall A.K. et al. Cross-cultural perspectives on the role of empathy during COVID-19's first wave // *Sustainability*. 2021. Vol. 13 (13), № 7431. doi: 10.3390/su13137431
- Cerami C., Santi G.C., Galandra C. et al. Covid-19 outbreak in Italy: are we ready for the psychosocial and the economic crisis? Baseline findings from the PsyCovid study // *Frontiers in psychiatry*. 2020. Vol. 11, № 556. doi: 10.3389/fpsy.2020.00556
- Davis M.H. A multidimensional approach to individual differences in empathy // *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology*. 1980. Vol. 10. P. 85.
- Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Preet R., Wilder-Smith A., Larson H. The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak // *Journal of travel medicine*. 2020. Vol. 27 (3). № taaa031.
- Di Tella M., Miti F., Ardito R.B., Adenzato M. Social cognition and sex: Are men and women really different? // *Pers. Individ. Differ*. 2020. Vol. 162, № 110045.
- Guadagni V., Umiltà A., Iaria G. Sleep quality, empathy, and mood during the isolation period of the COVID-19 pandemic in the Canadian population: Females and women suffered the most // *Front. Glob. Women's Health*. 2020. Vol. 1, № 585938. P. 1–10.
- Healey M.L., Grossman M. Cognitive and affective perspective-taking: evidence for shared and dissociable anatomical substrates // *Frontiers in neurology*. 2018. Vol. 9, № 491.
- Kowal M., Coll-Martín T., Ikizer G. et al. Who is the most stressed during the COVID-19 pandemic? Data from 26 countries and areas // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2020. Vol. 12, № 4. P. 946–966. doi: 10.1111/aphw.12234
- Micillo L., Rioux P.A., Mendoza E. et al. Time perspective predicts levels of anxiety and depression during the COVID-19 outbreak: A cross-cultural study // *PLoS One*. 2022. Vol. 17 (9), № e0269396. doi: 10.1371/journal.pone.0269396

- Moret-Tatay C., Murphy M. Anxiety, resilience and local conditions: A cross-cultural investigation in the time of covid-19 // *International Journal of Psychology*. 2022. Vol. 57, № 1. P. 161–170. doi: 10.1002/ijop.12822
- Morstead T. et al. Adherence to recommended preventive behaviors during the COVID-19 pandemic: the role of empathy and perceived health threat // *Annals of Behavioral Medicine*. 2022. Vol. 56, № 4. P. 381–392.
- Pfafftheicher S., Nockur L., Böhm R., Sassenrath C., Petersen M.B. The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing and wearing of face masks during the COVID-19 pandemic // *Psychological Science*. 2020. Vol. 31 (11). P. 1363–1373.
- Preston S.D., de Waal F.B.M. Empathy: Its Ultimate and Proximate Bases // *Behavioral and Brain Sciences*. 2001. Vol. 25, № 1. P. 1–20.
- Qin X., Yang F., Jiang Z., Zhong B. Empathy not quarantined: social support via social media helps maintain empathy during the COVID-19 pandemic // *Social Media+ Society*. 2022. Vol. 8 (1), № 20563051221086234.
- Rifkin J. The empathic civilization: The race to global consciousness in a World in Crisis. New York : Penguin, 2009.
- Saladino V., Algeri D., Auriemma V. The psychological and social impact of Covid-19: new perspectives of well-being // *Frontiers in psychology*. 2020. Vol. 11, № 2550.
- Sassenrath C., Diefenbacher S., Siegel A., Keller J. A person-oriented approach to hand hygiene behaviour: Emotional empathy fosters hand hygiene practice // *Psychology and Health*. 2016. Vol. 31. P. 205–227.
- Schreier S., Pijnenborg G.H., Aan Het Rot M. Empathy in adults with clinical or subclinical depressive symptoms // *Journal of Affective Disorder*. 2013. Vol. 150. P. 1–16.
- Sokić K., Qureshi F.H., Khawaja S. Aggression, empathy, and life satisfaction during the COVID-19 pandemic among students in private higher education // *European Journal of Education Studies*. 2021. Vol. 8, № 12.
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder // *Arch. Int. Med*. 2006. Vol. 166, № 10. P. 1092–1097. doi: 10.1001/archinte.166.10.1092
- Todorovic K., O'Leary E., Ward K.P., Devarasetty P.P., Lee S.J., Knox M., Andari E. Prevalence, increase and predictors of family violence during the COVID-19 pandemic, using modern machine learning approaches // *Frontiers in psychiatry*. 2022. Vol. 13, № 883294.
- Yim M.C., Park H.S. The Effects of Corporate Elitism and Groupthink on Organizational Empathy in Crisis Situations // *Public Relations Review*. 2021. Vol. 47 (1), № 101985.

References

- Budagovskaya N.A., Dubrovskaya S.V., Karyagina T.D. (2013) Adaptacija mnogofaktornogo oprosnika empatii M. Djevisa [Adaptation of multyafactor questionnaire empathy M. Davis]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija*, no. 1. P. 202–227.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L. (2023) Coronaphobia, infodemic and fakes during COVID-19. *Sibirskie istoricheskie issledovanija – Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 55–75. (In Russ.).
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Simakov N.Y. (2022) Empatija I vzaimoposch' do i vo vremja COVID-19 (dannie po moskovskim studentam) [Empathy and cooperation until and during COVID-19 (based on research of Moscow students)]. *Voprosi psihologii*, no. 68 (1), pp. 28–40.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Zinurova R.I. (2021) Agressija i trevozhnost' do I vo vremja COVID-19 (na osnove oprosa moskovskih I kazanskih studentov) [Aggression and anxiety until and during COVID-19 (based on research of Moscow and Kazan students)]. *Voprosi psihologii*, no. 67 (6), pp. 65–77.
- Fedenok J.N., Burkova V.N. (2020) Social'noe distancirovanie kak al'truizm v uslovijah pandemii koronavirusa: kross-kul'turnoe issledovanie [Social distancing as altruism in the

- context of the coronavirus pandemic: A cross-cultural study], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 6–40.
- Barello S., Graffigna G. (2020) Caring for health professionals in the COVID-19 pandemic emergency: toward an “epidemic of empathy” in healthcare. *Frontiers in Psychology*, Vol. 11, no. 1431.
- Baiano C., Zappullo I., The LabNPEE Group, Conson M. (2020) Tendency to Worry and Fear of Mental Health during Italy's COVID-19 Lockdown. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, Vol. 17, no. 5928.
- Baiano C., Raimo G., Zappullo I., Marra M., Cecere R., Trojano L., Conson, M. (2022) Empathy through the pandemic: changes of different emphatic dimensions during the COVID-19 outbreak. *International journal of environmental research and public health*, Vol. 19(4), no. 2435.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K. et al. (2021) Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries. *Sustainability*, Vol. 13, no. 4017. doi: 10.3390/su13074017
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., et al. (2023) Factors associated with highest symptoms of anxiety during COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries. *Frontier in Psychology*, Vol. 13, no. 805586. doi: 10.3389/fpsyg.2022.8055
- Buss A.H., Perry M. (1992) The Aggression Questionnaire. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 63, pp. 452–459.
- Butovskaya M.L., Burkova V.N., Randall A.K., et al. (2021) Cross-cultural perspectives on the role of empathy during COVID-19's first wave. *Sustainability*, Vol. 13(13), no. 7431. doi: 10.3390/su13137431
- Cerami C., Santi G.C., Galandra C. et al. (2020) Covid-19 outbreak in Italy: are we ready for the psychosocial and the economic crisis? Baseline findings from the PsyCovid study. *Frontiers in psychiatry*, Vol. 11, no. 556. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00556
- Davis M.H. (1980) A multidimensional approach to individual differences in empathy. *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology*, Vol. 10, p. 85.
- Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Preet R., Wilder-Smith A., Larson H. (2020) The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak. *Journal of travel medicine*, Vol. 27(3), no. taaa031.
- Di Tella M., Miti F., Ardito R.B., Adenzato M. (2020) Social cognition and sex: Are men and women really different? *Pers. Individ. Differ*, Vol. 162, no. 110045.
- Guadagni V., Umiltà A., Iaria G. (2020) Sleep quality, empathy, and mood during the isolation period of the COVID-19 pandemic in the Canadian population: Females and women suffered the most. *Front. Glob. Women's Health*, Vol. 1, no. 585938, pp. 1–10.
- Healey M.L., Grossman M. (2018) Cognitive and affective perspective-taking: evidence for shared and dissociable anatomical substrates. *Frontiers in neurology*, Vol. 9, no. 491.
- Kowal M., Coll-Martín T., Ikizer G., et al. (2020) Who is the most stressed during the COVID-19 pandemic? Data from 26 countries and areas. *Applied Psychology: Health and Well-Being*, Vol. 12, no 4, pp. 946–966. doi: 10.1111/aphw.12234
- Micillo L., Rioux P.A., Mendoza E., et al. (2022) Time perspective predicts levels of anxiety and depression during the COVID-19 outbreak: A cross-cultural study. *PLoS One*, Vol. 17(9), no. e0269396. doi: 10.1371/journal.pone.0269396
- Moret-Tatay C., Murphy M. (2022) Anxiety, resilience and local conditions: A cross-cultural investigation in the time of covid-19. *International Journal of Psychology*, Vol. 57, no. 1, pp. 161–170. doi: 10.1002/ijop.12822
- Morstead T. et al. (2022) Adherence to recommended preventive behaviors during the COVID-19 pandemic: the role of empathy and perceived health threat. *Annals of Behavioral Medicine*, Vol. 56, no. 4, pp. 381–392.
- Pfattheicher S., Nockur L., Böhm R., Sassenrath C., Petersen M.B. (2020) The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing and wearing of face masks during the COVID-19 pandemic. *Psychological Science*, Vol. 31 (11), pp. 1363–1373.

- Preston S.D., de Waal F.B.M. (2001) Empathy: Its Ultimate and Proximate Bases. *Behavioral and Brain Sciences*, Vol. 25, no. 1, pp. 1–20.
- Qin X., Yang F., Jiang Z., Zhong B. (2022) Empathy not quarantined: social support via social media helps maintain empathy during the COVID-19 pandemic. *Social Media+ Society*, Vol. 8(1), no. 20563051221086234.
- Rifkin J. (2009) The empathic civilization: The race to global consciousness in a World in Crisis. New York: Penguin.
- Saladino V., Algeri D., Auriemma V. (2020) The psychological and social impact of Covid-19: new perspectives of well-being. *Frontiers in psychology*, Vol. 11, no. 2550.
- Sassenrath C., Diefenbacher S., Siegel A., Keller J. (2016) A person-oriented approach to hand hygiene behaviour: Emotional empathy fosters hand hygiene practice. *Psychology and Health*, Vol. 31, pp. 205–227.
- Schreiter S., Pijnenborg G.H., Aan Het Rot M. (2013) Empathy in adults with clinical or subclinical depressive symptoms. *Journal of Affective Disorder*, Vol. 150, pp. 1–16.
- Sokić K., Qureshi F.H., Khawaja S. (2021) Aggression, empathy, and life satisfaction during the COVID-19 pandemic among students in private higher education. *European Journal of Education Studies*, Vol. 8, no. 12.
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B. (2006) A brief measure for assessing generalized anxiety disorder. *Arch. Int. Med.*, Vol. 166, no. 10, pp. 1092–1097. doi: 10.1001/archinte.166.10.1092
- Todorovic K., O'Leary E., Ward K.P., Devarasetty P.P., Lee S.J., Knox M., Andari E. (2022) Prevalence, increase and predictors of family violence during the COVID-19 pandemic, using modern machine learning approaches. *Frontiers in psychiatry*, Vol. 13, no. 883294.
- Yim M.C., Park H.S. (2021) The Effects of Corporate Elitism and Groupthink on Organizational Empathy in Crisis Situations. *Public Relations Review*, Vol. 47(1), no. 101985.

Информация об авторах:

БУРКОВА Валентина Николаевна – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: burkovav@gmail.com

БУТОВСКАЯ Марина Львовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

ЕРМАКОВ Алексей Михайлович – доктор биологических наук, декан факультета «Биоинженерия и ветеринарная медицина» Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия).

ГАЛИМХАНОВ Азат Булатович – кандидат юридических наук, проректор по образовательной деятельности, Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Россия).

ЕМЕЛЬЯНОВ Алексей Валерьевич – доктор биологических наук, проректор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия).

ЗИНУРОВА Раушания Ильшатовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой, директор Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань, Россия).

КАЛИНИЧЕНКО Ольга Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия).

РЫМАРЕНКО Наталья Викторовна – доктор медицинских наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).

СИМАКОВ Николай Юрьевич – кандидат биологических наук, старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО) (Москва, Россия).

СПОДИНА Виктория Ивановна – доктор исторических наук, директор Обско-Угорского института прикладных исследований и разработок ХМАО–Югры (Ханты-Мансийск, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Valentina N. Burkova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: burkovav@gmail.com

Marina L. Butovskaya, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation).

Alexey M. Ermakov, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Azat B. Galimkhanov, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation).

Alexey V. Emelyanov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation).

Raushaniia I. Zinurova, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation).

Olga V. Kalinichenko, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Natalya V. Rymarenko, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation).

Nikolay Yu. Simakov, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) (Moscow, Russian Federation).

Victoriya I. Spodina, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russian Federation).

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 декабря 2023 г.;
принята к публикации 17 июня 2024 г.*

*The article was submitted 30.12.2023;
accepted for publication 17.06.2024.*